

Дуальность мотивационных паттернов и триадный анализ: к социетальной методологии исследования. Статья 1. Теоретико-методологические основания.

Аннотация

Введение. В статье предлагается подход к анализу социальных систем, позволяющий переформулировать классическую дихотомию «микро-макро» в задачу операционального анализа согласованности трёх уровней, инвариантных к масштабу системы.

Методология. В основе подхода – методологический синтез диалектики (как логики развития через противоречия), веберовского идеально-типического конструирования (как способа построения чистых аналитических моделей) и принципа холизма (понимание системы как органического целого, свойства которого не сводимы к сумме частей). Результатом синтеза становится триадная модель, выделяющая три аналитических измерения любой социальной системы: Системное (правила, институты, ресурсы), Социальное (коммуникации, ритуалы, практики) и Экзистенциальное (публичные смыслы, эмоциональные режимы, мотивационные тренды).

Результаты. В рамках модели выделены два идеально-типических мотивационных паттерна – инструментальный цикл и имманентный смыслогенез, задающие альтернативные логики социального обмена. Разработан метод триадного анализа, включающий реконструкцию трёх уровней, выявление трёх типов рассогласований (правила–практики, практики–смыслы, смыслы–правила) и диагностику дисфункциональных сценариев. Показано, что динамика системы определяется качеством связей между уровнями: рассогласование порождает напряжение, которое разрешается через адаптацию либо ведёт к стагнации, кризису или распаду.

Заключение. Предложенная методология позволяет диагностировать социальные системы любого масштаба в единой системе координат, интегрируя понятийный аппарат экономики, психологии, философии и социологии. Введены новые понятия: смыслогенез, латентное состояние системы, «вес» системы. Развитие динамической составляющей модели составит предмет второй статьи, а эмпирическая апробация на кейсе – предмет третьей.

Ключевые слова: мотивационные паттерны, триадный анализ, социетальная методология, аналитический холизм, системный уровень, социальный уровень, экзистенциальный уровень, смыслогенез.

The Duality of Motivational Patterns and Triadic Analysis: Toward a Societal Research Framework. Article 1. Theoretical and Methodological Foundations.

Abstract

Introduction. The article proposes an approach to the analysis of social systems that reformulates the classical micro-macro dichotomy into an operational analysis of the consistency of three scale-invariant levels.

Methodology. The approach synthesizes dialectics (development through contradictions), Weberian ideal types (pure analytical models), and holism (the system as an irreducible whole). This synthesis results in a triadic model identifying three analytical dimensions of any social system: Systemic (rules, institutions, resources), Social (communications, rituals, practices), and Existential (public meanings, emotional regimes, motivational trends).

Results. The model identifies two ideal-typical motivational patterns—the instrumental cycle and immanent sense-genesis—setting alternative logics of social exchange. A triadic analysis method is developed, including the reconstruction of three levels, identification of three types of misalignments (rules–practices, practices–meanings, meanings–rules), and diagnosis of dysfunctional scenarios. System dynamics are determined by the quality of connections between levels: misalignment generates tension resolved through adaptation or leads to stagnation, crisis, or disintegration.

Conclusion. The proposed methodology allows diagnosing social systems of any scale within a single coordinate system, integrating the conceptual apparatus of economics, psychology, philosophy, and sociology. New concepts introduced include sense-genesis, the latent state of the system, and the “weight” of the system. The dynamic component of the model will be the subject of a second article, with empirical testing to follow in a third.

Keywords: motivational patterns; triadic analysis; societal methodology; analytical holism; systemic level; social level; existential level; sense-genesis.

Введение

В современной социологии сохраняется фундаментальное методологическое напряжение между языком описания структур и языком человеческих смыслов. Эта дилемма микро-макро-связи восходит к истокам дисциплины, когда были заложены две парадигмы, которые впоследствии оказалось трудно совместить. Разумеется, эта дихотомия – аналитическое упрощение, но именно оно задало траекторию последующих дискуссий. С одной стороны, это объективные и принудительные в своём методологическом ядре

«социальные факты» Э. Дюркгейма [10], объясняющие поведение людей первично давлением структур. С другой – идея субъективно подразумеваемого «смысла» действий М. Вебера [6], выводящего социальный порядок исходно из внутренних мотивов индивидов и тем самым задающего иную точку отсчёта для анализа.

Как показал Н. Элиас [17], теоретически это противопоставление ложно. Однако на уровне исследовательской практики разрыв продолжает воспроизводиться. Это проявляется в подходах, которые фокусируются лишь на одном из измерений: институционализм концентрируется на системных рамках, сетевой анализ – на паттернах взаимодействий. Более того, современные исследования фиксируют углубление этой фрагментации как в российской [11; 12; 18], так и в зарубежной социологии [21; 37], а также в самой социальной реальности, которая становится все более мозаичной и расколотой [1].

Наиболее влиятельные попытки преодолеть этот разрыв предпринимались в рамках теории структуризации [8], морфогенеза [20], теории социальных систем [13] и теории практик [3; 23]. Эти подходы создали понятийный аппарат для объяснения связи структуры и действия. Однако их сила – во внутренней логической связности – оборачивается сложностью операционализации при переходе к анализу конкретных кризисных ситуаций. Предлагаемая модель не конкурирует с ними, а решает иную задачу: предоставить исследователю операциональный инструмент для диагностики конкретных кризисных ситуаций через выявление рассогласований между уровнями системы. Говоря иначе, если Элиас, Гидденс, Бурдье и другие показали, что макро- и микроуровни неразрывны, то предлагаемая модель показывает, как эту неразрывность можно анализировать в конкретных эмпирических случаях.

Настоящая работа исходит из предположения, что вопрос «как связаны структура и действие?» может быть продуктивно дополнен другим, более фундаментальным вопросом: из каких аналитических элементов складывается любая социальная система? Вместо того чтобы искать механизм связи между масштабами, предлагается сначала описать универсальную аналитическую «архитектуру» социальной реальности – то есть те уровни, которые присутствуют в любой системе, независимо от её масштаба. Такая архитектура выполняет интегративную функцию: она не заменяет существующие языки, а задаёт для них общую систему координат, выявляя их взаимодополняемость.

В рамках этой архитектуры выделяются три инвариантных к масштабу аналитических уровня любой социальной системы:

1. Системный уровень – формальные и неформальные правила, институты, распределение ресурсов;
2. Социальный уровень – практики, коммуникации, ритуалы;
3. Экзистенциальный уровень – публично артикулируемые смыслы, нарративы, мотивационные тренды, эмоциональный климат.

Важно подчеркнуть, что Экзистенциальный уровень не сводится к индивидуальной психологии. Речь идёт о интерсубъективно разделяемых смыслах, публично артикулируемых нарративах и наблюдаемых эмоциональных режимах – феноменах, которые могут быть зафиксированы внешним наблюдателем и проанализированы как социальные факты [16, 2].

Выделение трёх уровней основано на анализе ключевых функций, которые должна выполнять любая социальная система для своего воспроизводства: (1) структурирование (правила, институты), (2) взаимодействие (практики, коммуникации), (3) осмысление (смыслы, нарративы). Эти функции аналитически различимы, но эмпирически могут быть спаяны: в реальном взаимодействии правила, практики и смыслы выступают как единое целое, однако для диагностики их необходимо разделить. Задача анализа – не разрывать то, что в реальности является континуумом, а выявлять доминирующие связи и рассогласования между функциями.

Проблема микро-макро, десятилетиями остававшаяся предметом интенсивных социологических дискуссий [9; 19; 29; 31; 37], возникает именно из-за того, что исследователи пытались найти связь между масштабами, не имея языка для описания того, что одни и те же функциональные элементы (правила, практики, смыслы) принимают различную эмпирическую форму в зависимости от масштаба, оставаясь при этом структурно изоморфными [24].

Иными словами, семья и государство, локальное сообщество и национальная экономика – это не разнородные объекты, которые нужно связывать, а один и тот же функциональный паттерн, развёрнутый в разных масштабах. Предлагаемая триада даёт язык для описания этого паттерна, показывая, что любая социальная система, независимо от масштаба, может быть проанализирована через согласованность её системных параметров, социальных практик и экзистенциальных смыслов. Тем самым дихотомия микро-макро заменяется операциональным анализом связей между уровнями, а сама проблема «связи масштабов» перестаёт быть концептуальным тупиком, уступая место вопросу о том, как в конкретной системе согласованы её уровни.

Поскольку триада выделяет инвариантные аналитические уровни, она может служить единой системой координат для междисциплинарного диалога. Различные социальные науки могут быть поняты как фокусирующиеся на разных уровнях, однако их объяснительный потенциал раскрывается в интеграции. Экономика, традиционно сосредоточенная на распределении ресурсов и институциональных рамках [15], получает возможность ставить вопросы о том, как эти структуры связаны с практиками взаимодействия и разделяемыми смыслами. Психология, исследующая признание и мотивацию [32], может встроить свои открытия в более широкий социальный контекст, рассматривая, как индивидуальные мотивационные структуры коррелируют с институциональными условиями. Философия, работающая с понятиями ценности и смысла [2], получает операциональную рамку для связывания этих понятий с эмпирически наблюдаемыми практиками и институтами. Социология же получает инструмент для целостного анализа систем любого масштаба, интегрируя эти дисциплины в единую рамку.

В современных исследованиях все чаще подчеркивается необходимость преодоления дисциплинарной фрагментации [26] и развития интегральных подходов, способных соединить анализ системных дисфункций, практик и смыслов [34], при этом критика измельчения исследовательского масштаба и утраты способности к макро-анализу становится все более отчетливой [36]. Предлагаемая триадная модель отвечает именно на этот вызов, задавая единую систему координат для междисциплинарной интеграции.

Это не означает, что классические теории ошибочны. Напротив, каждая из них высветила ключевые аспекты социальной реальности, которые данная триада позволяет объединить.

Классические теории, при всей широте их охвата, выделяют один из уровней как приоритетный: Маркс, при всём внимании к классовым практикам и формам сознания, рассматривает их как производные от системных параметров [14]; Бурдьё, учитывая системные ресурсы и экзистенциальные диспозиции, помещает в центр анализа социальные практики [3; 23]; Вебер, признавая влияние институтов, фокусируется на субъективных смыслах [6]. Предлагаемая триада не отменяет эти подходы, а задаёт рамку, в которой их фокусы могут быть сопоставлены и применены совместно.

Вместе с тем она имеет сходство с рядом классических подходов, но отличается от них по ключевым параметрам. В отличие от бурдьёвского понятия габитуса [3; 23], который трактуется как инкорпорированная структура, фиксируемая в телесных диспозициях и бессознательных практиках, Экзистенциальный уровень в данной модели относится к

публично артикулируемым смыслам и нарративам, доступным внешнему наблюдению и не требующим редукции к индивидуальной психологии. В отличие от теории полей [4; 5], где анализ привязан к специфике конкретного поля (художественного, экономического, политического и т.д.), триада претендует на инвариантность к масштабу, позволяя анализировать семью и государство в единой системе координат без потери специфики каждого из объектов. В отличие от лумановской теории социальных систем [13], где уровни (интеракция, организация, общество) различаются по степени сложности и операциональной замкнутости, в предлагаемой модели уровни выделены как функционально изоморфные: одни и те же функции (структурирование, взаимодействие, осмысление) присутствуют в любой системе независимо от её масштаба. В отличие от парсоновской схемы AGIL [30], где равновесие выступает нормативным состоянием, а отклонения рассматриваются как девиации, требующие коррекции, триадный анализ рассматривает согласование уровней как один из возможных режимов наряду с рассогласованием, кризисом и распадом. AGIL остаётся на уровне абстрактных функций, тогда как триада выделяет три эмпирически фиксируемых уровня, которые могут быть операционализированы в конкретном исследовании.

Таким образом, вопрос о том, из каких аналитических элементов складывается любая социальная система, получает ответ: она всегда разворачивается на трёх функциональных измерениях – Системном, Социальном и Экзистенциальном.

Однако сами уровни – это лишь статический каркас. Ключевая идея предлагаемого подхода не в уровнях самих по себе, а в понимании социальной динамики через качество связей между уровнями. Рассогласование между правилами (Системное), реальными практиками (Социальное) и разделяемыми смыслами (Экзистенциальное) порождает напряжение. Два мотивационных паттерна – инструментальный и имманентный – выступают идеально-типическими [35] конфигурациями социального обмена, задающими альтернативные логики воспроизводства системы.

Цель настоящей работы – представить теоретико-методологические основания триадного анализа. Для этого решаются две задачи: развернуть трёхуровневую модель социальной системы и описать два базовых мотивационных паттерна как идеально-типические конфигурации социального обмена.

Предлагаемый подход может быть охарактеризован как социетальная методология. Термин «социетальный» (от лат. *societas* – общество) подчёркивает ориентацию на анализ общества как целого, в отличие от понятия «социальная методология», которое в

социологической традиции чаще относится к анализу локальных взаимодействий. Предлагаемая рамка опирается на социологическую традицию, но предлагает единую систему координат, позволяющую интегрировать понятийный аппарат смежных дисциплин – экономики, психологии, философии. Развитие динамической составляющей модели, включая типологию кризисов и механизмы трансформации, составит предмет второй статьи. Эмпирическая апробация на конкретном кейсе будет представлена в третьей статье.

Результаты

1. Триадная модель уровней анализа

Для операционального анализа структурной среды, в которой разворачиваются мотивационные циклы, предлагается триадная модель. В её рамках целостная социальная реальность рассматривается как единство трёх взаимосвязанных, но аналитически различимых уровней: Системного, Социального и Экзистенциального. Они выделяются не как иерархические ступени, а как категории, описывающие различные модусы организации этой реальности.

Метод триадного анализа включает следующие шаги:

1. Реконструкция Системного уровня (правила, институты, ресурсы) – анализ документов (уставы, регламенты, манифесты), интервью с носителями институциональных позиций, наблюдение за соблюдением/несоблюдением формальных предписаний. Для повышения надёжности формальные источники дополняются свидетельствами о неформальных правилах (неписанных, но устойчивых нормативных ожиданиях, регулирующих поведение) и статистическими данными о распределении ресурсов.

2. Реконструкция Социального уровня (практики, ритуалы, коммуникации) – этнографическое наблюдение, анализ взаимодействий, изучение языковых кодов (включая невербальные символы, цифровые коммуникации). Для полноты картины анализируются как офлайн-взаимодействия, так и цифровые коммуникации (чаты, корпоративные соцсети, реакции).

3. Реконструкция Экзистенциального уровня (смыслы, ценности, нарративы, мотивационные тренды) – анализ высказываний, интервью, символов, а также наблюдение за символически нагруженными коллективными действиями с фокусом на выражаемые смыслы и эмоциональный тон. Для повышения надёжности дискурсивные индикаторы дополняются поведенческими (текучесть кадров, абсентеизм, волны активности/ухода) и артефактными (оформление пространства, визуальная символика). Поведенческие и артефактные

индикаторы интерпретируются как косвенные проявления мотивационных трендов и используются только в совокупности с дискурсивными данными. Эмоциональный климат фиксируется через долю позитивно окрашенных высказываний (одобрение, энтузиазм, гордость) относительно негативно окрашенных (цинизм, разочарование, тревога) в публичных каналах без редукции к индивидуальной психологии.

Один и тот же эмпирический материал (документ, ритуал, жест) может анализироваться на разных уровнях, но под разными вопросами: на Системном – как формально закреплённая норма или зафиксированное распределение ресурсов; на Социальном – как устойчивый паттерн взаимодействия; на Экзистенциальном – как носитель ценностно-смыслового содержания и индикатор мотивационного климата.

4. Выявление рассогласований:

- где правила не соответствуют практикам?
- где практики не соответствуют смыслам?
- где смыслы не соответствуют правилам?

5. Диагностика дисфункциональных сценариев. На основе выявленных рассогласований и анализа состояний мотивационных циклов определяется, какой из сценариев реализуется в системе в данный момент: адаптация, стагнация, хронический кризис или распад. Диагностическим ключом служит характер блокировки циклов: полная блокировка инструментального цикла (РКВПП) при функционирующем имманентном (ЦУРПС) даёт один тип сценария; одновременная блокировка обоих циклов – другой; инструментальное замещение имманентного – третий и так далее. Конкретные комбинации блокировок и соответствующие им сценарии, а также механизмы их разворачивания составляют предмет второй статьи. На данном этапе достаточно зафиксировать, что тип рассогласования и состояние мотивационных паттернов совместно определяют характер системной динамики.

Конкретные способы операционализации зависят от масштаба и типа исследуемой системы. При анализе семьи Системный уровень раскрывается через домашние правила и бюджет, при анализе отдела – через должностные инструкции и КРІ, при анализе государства – через законы и распределение бюджетных средств. Аналогично варьируются индикаторы для Социального уровня: от повседневных ритуалов и семейных традиций до публичных гражданских практик и процедур участия в масштабе государства. Для Экзистенциального уровня индикаторами могут выступать: на уровне семьи –

артикулируемые представления о справедливом распределении обязанностей и взаимных ожиданиях; на уровне отдела – преобладающие настроения в отношении корпоративных целей (от энтузиазма до цинизма), фиксируемые через интервью и наблюдение; на уровне государства – доминирующие публичные нарративы, идеологии и контр-нарративы, выявляемые через анализ публичного дискурса. Предложенный перечень процедур задаёт общую логику; конкретный набор источников и способов сопоставления данных определяется исследовательской задачей.

1.1. Системный уровень

Системный уровень (уровень системной организации) представляет собой фундаментальный каркас как структурообразующий набор параметров. Он включает в себя:

- Базовые принципы (ценностные основания и аксиомы системы, выражающие её формально закреплённые конечные цели);
- Формальные и неформальные правила (законы, уставы, должностные инструкции, а также обычаи, семейные договорённости и иные неписанные нормы);
- Институты (устойчивые формальные организации), закрепляющие эти правила;
- Материально-технологическую базу (инфраструктуру, средства производства, доступные технологии);
- Цифровую (виртуальную) среду – программные платформы, алгоритмы, базы данных, социальные сети, игровые миры. Это искусственно созданные пространства взаимодействия, обладающие собственной архитектурой правил и ограничений, которые могут не совпадать с правилами физического мира и требуют отдельного анализа;
- Распределение ресурсов.

Важно различать формально закреплённые ценности (Системный уровень) и реально разделяемые смыслы (Экзистенциальный уровень). Первые фиксируются в документах, уставах, идеологических программах. Вторые – в нарративах, высказываниях, эмоциональных режимах. Рассогласование между ними – один из ключевых индикаторов системного кризиса.

Этот уровень отвечает на три ключевых вопроса, определяющих объективные условия существования системы:

1. «Во имя чего и на каких безусловных истинах существует система?»;

2. «Какие конкретные правила, нормы и институты материализуют и защищают эти основания, формируя действующие рамки повседневности?»;

3. «Что материально и структурно доступно, а что принципиально недостижимо в рамках заданных технологий, правил и распределения ресурсов?».

Системный уровень возникает из кристаллизации практик (Социальное) и смыслов (Экзистенциальное), а также под влиянием других триад и внешней среды.

Функция Системного уровня – задавать структурные рамки, в которых разворачиваются социальные практики: определять спектр доступных возможностей и системных запретов, а также распределять ресурсы, необходимые для их реализации. Эти системные параметры не статичны и могут пересматриваться под влиянием интенсивных изменений, инициированных на других уровнях.

При этом Системный уровень не является лишь «отвердевшим» продуктом практик и смыслов. Институционализировавшись, правила и институты обретают собственную инерцию: они могут продолжать существовать и воспроизводиться даже тогда, когда породившие их практики изменились, а смыслы, некогда их легитимировавшие, угасли. В этом проявляется его самостоятельная, а не только производная природа.

1.2. Социальный уровень

Социальный уровень – это сфера воспроизводимых практик и процессуальных коммуникативных режимов.

Термин «Социальный» здесь используется не в широком смысле (как синоним общественного), а в узком, операциональном значении, принятом в традиции символического интеракционизма и этнометодологии [22; 25; 28]: для обозначения сферы непосредственного взаимодействия, практик и коммуникаций, в которых воспроизводятся социальные связи и структуры. В этой традиции акцент делается на том, как люди в повседневных взаимодействиях создают и поддерживают социальную реальность, что и является предметом анализа данного уровня.

Он включает в себя:

- конкретные акты и практики осмысленного взаимодействия и общения;
- ритуалы (повторяющиеся символические действия, поддерживающие социальные связи);

- процессы завоевания и приписывания репутации и статуса (динамика признания в непосредственных взаимодействиях);
- языковые коды (системы значений, закреплённые в речи, символах и других знаковых формах, используемых в коммуникации);
- институционализированные практики (устойчивые формы взаимодействия, закреплённые в правилах, но реализуемые в живых актах);
- процессы признания и исключения (практики, через которые участники включают или исключают друг друга).

Для его анализа необходимо ответить на два ключевых вопроса:

1. «Каковы основные, рутинные, повторяющиеся сценарии общения, совместного действия и коммуникации, через которые здесь осуществляется координация, разрешение проблем или конфликтов?»;

2. «Через какие конкретные практики, ритуалы и языковые коды здесь присваивают статус, оказывают признание или применяют санкции?».

Функция Социального уровня – быть полем, где системные параметры транслируются, интерпретируются и ситуативно адаптируются через живые практики (включая институционализированные формы взаимодействия), а также где смыслы и эмоциональные нормы экзистенциального климата проходят постоянную проверку и материализуются. В условиях кризиса эта функция радикализуется: структурные условия не просто оспариваются, а активно переосмысливаются и наполняются новыми смыслами через акты взаимодействия – будь то кооперативное конструирование новых норм или открытый конфликт.

При этом Социальный уровень не сводится только к роли «проводника» между Системным и Экзистенциальным. Практики также обладают собственной логикой воспроизводства, не выводимой напрямую ни из формальных правил, ни из публичных смыслов. Более того, именно в практиках могут зарождаться новые образцы взаимодействия, которые впоследствии оформляются в правила или артикулируются как смыслы. В этом проявляется его самостоятельная, а не только посредническая природа.

1.3. Экзистенциальный уровень

Наконец, третий уровень – Экзистенциальный – представляет собой сферу социально формируемых, интерсубъективно разделяемых и тем самым объективируемых смысловых режимов.

Термин «Экзистенциальный» используется здесь не в его первоначальном философском понимании (где он обозначает фундаментальные онтологические структуры и модусы человеческого бытия-в-мире, такие как забота, брошенность или страх (см.: [27; 33]), а в строго социологическом и операциональном значении, смещая фокус с индивидуального переживания (характерного для экзистенциалистской традиции) на взаимно производимые и наблюдаемые феномены. Такой перенос значения – методологический ход, позволяющий сохранить смысловую глубину термина, переводя его в плоскость эмпирически доступного анализа.

В данном контексте он служит для обозначения разделяемых и циркулирующих в системе «смысловых рамок существования». Эти рамки имманентно вырастают из практик и правил, импортируются из внешних триад, наследуются из истории системы, либо возникают спонтанно в живом взаимодействии на стыке Социального и Экзистенциального. Они материализуются в трёх ключевых формах, доступных прямому или косвенному наблюдению – как для самих участников, так и для любого внешнего наблюдателя:

- Доминирующие (или оспариваемые) смысловые контуры и нарративы – совокупности разделяемых представлений о цели, ценности и «правильном» действии, претендующие на статус общепринятых в данной системе и выраженные в высказываниях, символах, жестах, совместных актах.

- Социально регулируемые образы чувств и оценок – нормативные режимы эмоций: что здесь принято чувствовать, демонстрировать или подавлять в различных ситуациях; а также совместно поддерживаемые, часто имплицитные метрики «успешности» и «провала», определяющие, что достойно уважения, а что – презрения или жалости.

- Мотивационно-поведенческие тренды – устойчивые, наблюдаемые в повторяющихся актах паттерны вовлечённости и отчуждения: волны ухода, всплески активности, распространённость апатии или энтузиазма.

Этот уровень отвечает на два ключевых вопроса, выявляющих мотивационно-смысловой климат системы:

1. «Какой общий смысл участия и какая картина “правильного” действия доминируют в разделяемых участниками системы высказываниях и нарративах?»;

2. «Какова преобладающая “эмоциональная погода” в системе – какое сочетание аффектов, оценок и мотивационных установок воспроизводится как норма?».

Его функция – быть консолидированным результатом и генератором обратной связи: качество связи между параметрами (Системное) и практиками (Социальное) находит здесь своё итоговое выражение в виде доминирующего мотивационно-смыслового климата. Будучи интерсубъективно очевидным фактом для участников, этот климат служит ключевым источником легитимации или делегитимации системных правил и социальных практик.

Тем самым он осуществляет ключевую селективную функцию: делает одну из возможных иерархических конфигураций мотивационных паттернов – с доминированием инструментальной или имманентной логики – социально приемлемой и наделяет её мотивационной силой. Утвердившись в качестве доминирующей, эта конфигурация, в свою очередь, задаёт векторы последующих действий участников и тем самым материализуется в конкретных трансформациях параметров и практик.

При этом Экзистенциальный уровень не является лишь «продуктом» двух других. В определённых условиях – в точках коммуникативной интенсивности, в кризисных разрывах рутины, в харизматических взаимодействиях – в совместном действии людей возникает избыток смысла, который не выводится напрямую из существующих правил и практик. Этот избыток не является ни «внушением свыше», ни проекцией индивидуальных переживаний: он рождается в пространстве между людьми как эмерджентный эффект их взаимодействия. Возникнув, он кристаллизуется в новых нарративах, ценностях, образах желаемого будущего и, обретая интерсубъективную реальность, становится силой, способной перестраивать и практики, и институты. Модель, таким образом, не редуцирует смысл к структурам и не постулирует его потустороннее происхождение: она фиксирует его двойственную природу – быть одновременно и результатом социального взаимодействия, и его источником.

1.4. Динамика триады

Описанные уровни существуют не изолированно, а в состоянии постоянного взаимодействия. Для иллюстрации динамики триады рассмотрим типичный процесс в корпорации.

Изначально в ней существует согласованность уровней: системные параметры поддерживают практики свободного обсуждения идей, формируя экзистенциальный климат инноваций. Этот климат может быть унаследован от основателей, импортирован из

профессиональной культуры, либо родиться из совместного прорыва или живого события – но, однажды закрепившись, становится intersubjectively очевидным фактом.

Внедрение жёстких KPI¹, наказывающих за ошибки, создаёт рассогласование: нарратив об инновациях сталкивается с правилом, воплощённым в практиках избегания риска. Возникает системное напряжение.

Чтобы показать, как качественное рассогласование можно выразить количественно, оценим этот же кейс численно. Предположим, исследователь для иллюстрации провёл по 10 замеров для каждой пары уровней и получил следующие результаты.

а) Системный vs Социальный (Csp). Формальные KPI предписывают наказывать за ошибки (Системный уровень). Наблюдение за реальной работой отдела (Социальный уровень) фиксирует, что сотрудники в ответ стали действовать с оглядкой на безопасность: они отказываются от рискованных идей, предпочитая гарантированно выполнить план. Лишь в 2 случаях из 10 их реальное поведение соответствовало исходной норме «свободного обсуждения». Доля соответствия практик правилам: $C_{sp} = 0,2$.

б) Социальный vs Экзистенциальный (Cpe). Исследователь сопоставляет реальные практики сотрудников с тем, как они сами их осмысляют. С одной стороны, наблюдение (Социальный уровень) фиксирует, что люди продолжают участвовать в совещаниях и обсуждать идеи – то есть практика «свободного обсуждения» формально сохраняется. С другой стороны, анализ высказываний (Экзистенциальный уровень) показывает, что сами сотрудники теперь описывают эти же действия иначе: лишь в 3 случаях из 10 они говорят о совещаниях как о «пространстве для творчества», а в остальных – как о «ритуале», «пустой трате времени» или «имитации». Доля соответствия практик смыслу: $C_{pe} = 0,3$.

в) Экзистенциальный vs Системный (Ces). Исследователь сопоставляет, насколько формальные правила (Системный уровень) находят отражение в публично артикулируемых смыслах сотрудников (Экзистенциальный уровень). С одной стороны, KPI предписывают жёсткую привязку вознаграждения к выполнению задач и наказывают за ошибки. С другой стороны, анализ высказываний показывает, что лишь в 2 случаях из 10 сотрудники публично одобряют эту систему (например, «KPI помогают нам работать лучше», «система оценки справедлива»), а в остальных – высказываются критически или цинично. Доля соответствия смыслов правилам: $C_{es} = 0,2$.

¹ KPI (Key Performance Indicators) – ключевые показатели эффективности.

Теперь можно вычислить простейший индекс системного напряжения Т (от англ. tension – напряжение) по формуле:

$$T = 1 - \frac{C_{sp} + C_{pe} + C_{es}}{3}$$

где:

С (от англ. Correspondence – Соответствие) – доля совпадений между уровнями;

C_{sp} (Systemic–Practice) – доля соответствия между Системным и Социальным уровнями (правила ↔ практики);

C_{pe} (Practice–Existential) – доля соответствия между Социальным и Экзистенциальным уровнями (практики ↔ смыслы);

C_{es} (Existential–Systemic) – доля соответствия между Экзистенциальным и Системным уровнями (смыслы ↔ правила).

Каждый коэффициент С принимает значения от 0 (полное расхождение) до 1 (полное совпадение). Т = 0 означает полную согласованность, Т = 1 – максимальное напряжение. В нашем случае:

$$T = 1 - \frac{0,2 + 0,3 + 0,2}{3} \approx 1 - 0,23 = 0,77$$

Полученное значение $T \approx 0,77$ указывает на высокий уровень системного напряжения: лишь около 23% взаимодействий между уровнями соответствуют декларируемым нормам. Предложенный способ расчёта и конкретные цифры носят исключительно иллюстративный характер; связь между величиной Т и характером динамики является рабочей гипотезой, требующей проверки на больших выборках и в разных контекстах.

Таким образом, одно и то же рассогласование может быть описано как качественно (через конфликт нарратива и практики), так и количественно (через индекс Т). Оба способа указывают на наличие напряжения, но не определяют исход. Напряжение может разрешаться по-разному, формируя один из нескольких сценариев:

1. Адаптация. Если инструментальная логика воспринимается как справедливая, система перестраивается: климат инноваций трансформируется в климат «профессиональной эффективности». Рассогласование снимается, формируется новая устойчивая конфигурация.

2. Стагнация. Если рассогласование не разрешается, система входит в режим хронического воспроизводства напряжения. Возникают дисфункциональные сценарии:

выгорание и цинизм, стратегическое соблюдение ритуала (симуляция), скрытое неподчинение. Противоречие не устраняется, но система продолжает существовать – это состояние стагнации. Система не развивается, но и не распадается. Однако стагнация имеет свою цену: истощение ресурсов, утрата легитимности. Если она затягивается, накопленная цена делает дальнейшее существование в стагнации невозможным – система входит в хронический кризис. Это состояние, при котором система уже не может оставаться в прежнем режиме, но ещё не распалась.

3. Распад. Если ни один из путей не оказывается способен удерживать систему даже в хроническом кризисе, неразрешимое противоречие приводит к распаду системы как целостности.

Однако распад не означает исчезновения элементов. Люди, ресурсы, идеи распределяются по другим триадам, в которые были включены одновременно с распавшейся. Одни связи усиливаются, другие угасают, возникают новые.

Важно отличать распад от латентного состояния системы. В латентном режиме уровни триады не производят наблюдаемых актов: практики свёрнуты, правила не применяются, смыслы не артикулируются. Однако сохраняется структура взаимных ожиданий и идентификаций (общий опыт, память, эмоциональная связь), позволяющая системе при появлении триггера (встреча, общая задача) быть реактивированной в прежней или близкой конфигурации. Распад же означает необратимую утрату этой структуры: даже если те же элементы вступят во взаимодействие, они будут выстраивать уже новую триаду, а не восстанавливать старую.

Масштаб изменений зависит от «веса» распавшейся системы: степени ресурсной, структурной или смысловой зависимости от неё других триад, а также её символической роли (вес системы определяется объемом ресурсов, плотностью связей, символическим влиянием и институциональным охватом). Чем вес значимее, тем сильнее переконфигурация затрагивает экзистенциальный климат, нарративы и практики других систем – вплоть до перестройки их собственных уровней.

Представленная последовательность – адаптация, стагнация, хронический кризис, распад – описывает общую логику динамики триады. Конкретный сценарий, который реализуется в системе при данном уровне напряжения, зависит от того, как рассогласование затрагивает мотивационные паттерны – инструментальный (РКВПП) и имманентный (ЦУРПС). Развёрнутая типология кризисов и механизмы их диагностики, включая анализ

блокировок, подавления и взаимодействия паттернов, будут представлены во второй статье, посвящённой динамике социальных систем.

1.5. Универсальность и аналитический статус модели

Как показано в примере выше, локальное изменение на одном из уровней инициирует пересогласование всей триады. В зависимости от того, насколько другие уровни способны адаптироваться, система проходит через адаптацию, стагнацию, кризис или распад. Аналогичные процессы запускаются и под воздействием внешних факторов, которые выступают триггерами для изменений внутри системы.

Эта логика универсальна. Аналогичный анализ применим к семье (график мытья посуды vs климат взаимопомощи) и к государству (экономические реформы vs национальные нарративы). Критически важен не масштаб, а качество взаимной адаптации трёх уровней.

Таким образом, предложенная модель заменяет дихотомию «макро–микро», привязанную к масштабу единиц, тремя инвариантными аналитическими функциями: структурированием (Системное), взаимодействием (Социальное) и осмыслением (Экзистенциальное). Это обеспечивает единый аппарат для анализа систем любого уровня.

Важно подчеркнуть, что предлагаемая триадная модель не отменяет и не замещает существующие социологические теории. Её задача – не дать новое онтологическое описание общества, а предложить операциональный язык для диагностики рассогласований, который может использоваться совместно с этими теориями.

Например, теория структуризации Гидденса [8] фиксирует дуальность структуры и действия, но не даёт инструмента для измерения того, насколько реальные практики соответствуют формальным правилам. Аналогично, теория полей Бурдье [4; 5] описывает феномены хистерезиса и символического насилия, морфогенетический подход Арчер [20] – структурные и культурные напряжения, теория социальных систем Лумана [13] – нарушения структурного сопряжения. Однако ни одна из них не предлагает операционального аппарата, позволяющего измерить степень этих напряжений и связать её с конкретными сценариями системной динамики.

Триадный анализ восполняет этот пробел. При этом он не вступает в прямое противоречие с исходными теориями, если принять рабочее допущение об аналитической отделимости трёх уровней. Предлагаемая модель выступает как методологическое

дополнение, конкретизирующее абстрактные категории до уровня эмпирически проверяемых гипотез.

Выделение уровней носит не онтологический, а строго аналитический характер. Их взаимосвязь диалектична и основана на принципе взаимообусловленного напряжения: противоречия между уровнями (рассогласования) выступают источником развития, а их разрешение (адаптация) – формой снятия (*Aufhebung*)² [7], при котором система переходит к новой конфигурации, сохраняя достигнутое. Это проявляется в постоянном взаимном давлении: системный каркас задаёт условия для практик; практики являются одновременно материальным воплощением, проверкой и источником формирования экзистенциального климата; а этот климат, в свою очередь, легитимирует или дестабилизирует системные правила и сами социальные практики. Влияние здесь не является однонаправленным: изменения в практиках могут трансформировать правила, а сдвиги в экзистенциальном климате – порождать новые практики и переопределять институты.

Характер и направленность этих влияний зависят от конкретной конфигурации системы: в одних случаях доминирует детерминация со стороны Системного уровня, в других – со стороны Экзистенциального, в третьих – со стороны социальных практик. Задача анализа – выявить, какие связи в данный момент являются определяющими.

Базовая схема социальной динамики в модели описывается последовательностью: устойчивая конфигурация триады → интенсивное изменение на одном из уровней (триггер) → динамическое рассогласование уровней → его разрешение (адаптация, стагнация, хронический кризис, распад) → формирование новой конфигурации.

Следовательно, модель описывает социальную реальность как активно динамическое поле напряжения между тремя функциями. Конкретными двигателями этой динамики выступают мотивационные паттерны – циклические конфигурации социального обмена. Они возникают на стыке взаимодействия всех трёх уровней, легитимируются сложившимся мотивационно-смысловым климатом (Экзистенциальное), воспроизводятся через социальные практики и своим воспроизводством трансформируют системные параметры, тем самым иницируя новый цикл рассогласования или закрепляя новую конфигурацию триады. Именно эти паттерны, как будет показано в следующем разделе, задают направление трансформации системы.

2. Модели мотивационных паттернов

² *Aufhebung* (нем.) — «снятие»; диалектическое разрешение противоречия, при котором система переходит к новой конфигурации, сохраняя в преобразованном виде содержание предыдущих этапов.

Статический каркас триады позволяет локализовать элементы системы, однако для объяснения её внутренней динамики необходима модель, описывающая циклическое воспроизводство социального действия. В качестве такой модели предлагаются две конфигурации мотивационных паттернов – не в психологическом смысле (как индивидуальные побуждения), а как устойчивые циклы социального обмена, задающие объективные условия воспроизводства действий агентов. Эти циклы основаны на типе социального обмена и лежащей в их основе логике.

Описываемые конфигурации представляют собой идеально-типические конструкции (в веберовском смысле). Они показывают чистую логику каждого типа социального обмена, что необходимо для аналитической ясности. В реальности эти типы могут смешиваться и порождать гибридные формы, однако анализ таких смещений возможен только при наличии чётких идеальных типов.

Предлагаемые ниже формулы не являются попыткой математизации социологии. Они представляют собой способ сжатого описания, где каждый элемент получает содержательное определение. Формулы выполняют функцию мнемонического средства, позволяющего компактно фиксировать логику каждого типа цикла, а также служат операциональным инструментом для диагностики дисфункций (блокировок циклов, разрывов связей между элементами).

Примечание. Под «агентом» здесь и далее понимается любой субъект социального обмена – индивид, группа, организация, государство и т.д.

2.1. Инструментальный (расчётно-конвертируемый) паттерн

Логика инструментального паттерна описывается формулой:

«Расчётный вклад → Конвертируемое вознаграждение → Восстановление, Приумножение и Поддержание агента» (сокр. РКВПП-цикл).

Данный цикл основан на институционально закреплённой квантификации вклада и вознаграждения, связанных фиксированным обменным соотношением. Это соотношение может действовать как в повторяющихся, так и в разовых обменах – везде, где существуют явные или неявные правила, определяющие меру вклада и ответного блага.

Примеры: налоги и бюджетные услуги, трудовые нормы и зарплаты, товарно-денежный обмен, разовые услуги.

«Расчётный вклад» – это квантифицируемое системой условие, выполнение которого требует от агента предоставления ресурса (время, энергия, капитал, статус). Система устанавливает стандартизованную меру этого условия и фиксированное соотношение его объёма к объёму вознаграждения. Акт выполнения выступает как отчуждаемая плата: ресурс передаётся системе безвозвратно в рамках данного цикла. Термин «расчётный» фиксирует не субъективную выгодность, а объективную, правилами заданную соизмеримость вклада и вознаграждения.

«Конвертируемое вознаграждение» – это благо, отчуждаемое от контекста вклада. Оно может быть потреблено, использовано или обменено на иные блага – главное, что его ценность и смысл не требуют отсылки к тому, за что оно получено. Связь с конкретным актом вклада разрывается в момент присвоения вознаграждения, а само благо функционирует как эквивалент благодаря стандартизации его формы в рамках данной системы.

Примеры: работник получает зарплату и тратит её на что угодно – связь с конкретным трудовым актом утрачена. Ученик, получивший пятёрку, может использовать её для повышения среднего балла, похвалы родителей или поступления, независимо от того, за какое именно задание она была выставлена. Государство, выполнившее климатические обязательства, получает право голоса или доступ к финансированию, которые может использовать для любых целей – связь с конкретным соглашением разрывается. Во всех случаях вознаграждение становится стандартизированным эквивалентом, отделённым от контекста вклада.

Завершающая стадия «Восстановление, Приумножение и Поддержание агента» описывает системную функцию цикла:

- 1) Восстановление – вознаграждение компенсирует затраты ресурса, позволяя агенту вернуться к исходному состоянию.
- 2) Приумножение – вознаграждение может превышать затраты, обеспечивая накопление и рост (капитала, ресурсов, влияния).
- 3) Поддержание – сохраняется сама возможность агента выступать носителем данного вклада, его статус и функции.

Тем самым цикл обеспечивает воспроизводство способности агента к дальнейшему участию в цикле как функционального элемента системы, что является условием её устойчивости и развития.

Инструментальный паттерн может принимать различные исторические формы – от натурального обмена в архаичных обществах до цифровых платформ и криптовалют в современном мире, от государственного планирования до рыночной экономики. Меняются конкретные институты, правила и ресурсы, но базовая логика РКВПП остаётся неизменной.

Инструментальный паттерн в своём идеально-типическом выражении обладает высокой масштабируемостью благодаря формальным правилам и институтам, что делает его эффективным в больших системах, обеспечивая прозрачность, предсказуемость и формальное равенство.

2.2. Имманентный (ценностно-конфирмативный) паттерн

Если инструментальный цикл описывает обмен ресурсами, то имманентный цикл описывает обмен смыслами.

Его логика описывается формулой:

«Ценность → Усилие → Результат → Конфирмативное признание → Смысл (усиление ценности)» (сокр. ЦУРПС-цикл).

Аббревиатура ЦУРПС (Ценность → Усилие → Результат → Признание → Смысл) кратко фиксирует ключевые элементы имманентного цикла. Термин «Признание» здесь и далее употребляется в значении «Конфирмативное признание», определённом ниже.

Цикл основан на институционально поддерживаемой ценностной рамке, которая задаёт критерии значимости действий. В пределах этой рамки признание носит конфирмативный характер и не подлежит квантификации – его ценность неотделима от контекста и разделяемых ценностей. Ценностная рамка может поддерживаться как устойчивыми институтами (религия, наука, профессиональная этика), так и ситуативными, разовыми ценностными консенсусами.

«Ценность» – это не абстрактное внутреннее переживание, а разделяемый нарратив, значимость, приписываемая определённым действиям, объектам или отношениям. Ценности проявляются в высказываниях, символах, ритуалах и могут быть зафиксированы внешним наблюдателем.

«Усилие» – затраты ресурсов (времени, энергии, внимания), направленные на реализацию ценности. В отличие от инструментального вклада, здесь усилие не измеряется и не квантифицируется – важно не «сколько», а «что» и «ради чего».

«Результат» – воплощение ценности в действии. Это может быть созданный объект, совершённый поступок, произнесённая речь – всё, что материализует исходную ценность. В отличие от инструментального цикла, результат здесь значим не сам по себе, а как свидетельство реализации ценности.

«Конфирмативное признание» – ключевой элемент цикла. Это обратная связь, которая не просто констатирует результат (как похвала или оценка), а подтверждает, что действие соответствует разделяемым ценностям. Признание конфирмативно, когда оно исходит от носителей тех же ценностей и укрепляет связь индивида с группой.

Важно подчеркнуть: признание в имманентном цикле может сопровождаться символическими формами, поддающимися учёту (награды, звания, рейтинги). Однако его сущность остаётся конформативной до тех пор, пока эти формы не становятся конвертируемым благом, отделимым от ценностного контекста. Если признание начинает функционировать как ресурс, который можно обменивать на иные блага независимо от разделяемых ценностей, оно утрачивает имманентный характер и превращается в инструментальное вознаграждение.

«Смысл (усиление ценности)» – завершающая стадия, на которой исходная ценность усиливается, становится более значимой. Это проявляется в росте вовлечённости, укреплении идентичности, появлении новых практик, развитии сообщества. Данная стадия может быть обозначена как смыслогенез – процесс порождения и усиления смысла через успешное завершение имманентного цикла.

Примеры: волонтер, помогающий в приюте и получающий благодарность от подопечных; учёный, чьё открытие признаётся научным сообществом; художник, чья работа находит отклик у зрителей; священник, чья проповедь укрепляет веру прихожан; целые сообщества, объединённые общей идеей или верой, где конформативное признание институционально закреплено.

Подобно инструментальному, имманентный паттерн также существует в разных исторических формах – от архаических культов и средневековых цехов до современных научных школ, художественных движений и цифровых сообществ. Меняются конкретные ценности и нарративы, но логика цикла остаётся неизменной.

В своём идеально-типическом выражении имманентный паттерн обеспечивает высокий энтузиазм, инновационность и устойчивость в малых группах, где возможны личные связи и непосредственное конформативное признание. Его масштабирование возможно при наличии институционально поддерживаемой ценностной рамки (религия, идеология, профессиональная этика), которая позволяет сохранять базовую логику цикла независимо от масштаба системы – от локальной группы друзей до крупных идеологических движений и государственных религий.

2.3. Сравнительная характеристика паттернов

В отличие от веберовской типологии, которая строит классификацию действия на основе доминирующего мотива индивида [6], предлагаемые паттерны описывают циклы социального обмена – устойчивые последовательности, воспроизводящиеся на уровне

правил, практик и смыслов, включая не только мотивацию, но и институциональные условия, механизмы обратной связи и эффекты воспроизводства агента.

Выделение двух паттернов не является произвольным: любой социальный обмен либо ориентирован на получение конвертируемого блага, либо на реализацию разделяемой ценности. Это различие логически исчерпывающе – именно поэтому модель строится на дуальности, а не на множественности паттернов.

Ниже сопоставлены два типа мотивационных циклов по ключевым параметрам, что позволяет наглядно увидеть их принципиальное различие (Таблица 1):

Таблица 1. Сравнительная характеристика мотивационных паттернов

Критерий	Инструментальный (РКВПП)	Имманентный (ЦУРПС)
Цель	Получение конвертируемого ресурса	Реализация разделяемой ценности
Вклад	Квантифицируемый, измеримый	Ценностно-направленный; квантификация несущественна
Вознаграждение	Конвертируемое, отделимое от контекста	Конфирмативное, неотделимое
Связь с действием	Разрывается в момент присвоения	Сохраняется и укрепляется на протяжении цикла
Завершение цикла	Восстановление, Приумножение и Поддержание агента	Усиление исходной ценности
Тип рациональности	Целерациональность (действия как средство)	Ценностная рациональность (действия как самоцель)
Тип дефицита	Ресурсы	Признание
Роль признания	Факультативна	Конститутивна
Источник легитимности	Правила, процедуры, законы, договоры	Ценности, традиции, вера, общее благо
Типичные сферы	Экономика, право, управление	Наука, искусство, религия, сообщества
Типичные кризисы	Бюрократизация, выгорание от истощения, кризис легитимности, отчуждение	Выгорание от отсутствия признания, симуляция ценностей, сектантство, потеря смысла

Как видно из таблицы, инструментальный и имманентный паттерны противоположны по всем ключевым параметрам. Однако в реальности они сосуществуют, и именно их взаимодействие определяет внутреннюю динамику социальной системы.

2.4. Связь паттернов с триадой

Инструментальный цикл опирается прежде всего на Системный уровень (правила, институты, ресурсы), но его воспроизводство требует социальных практик (Социальный) и легитимирующих смыслов (Экзистенциальный). Имманентный цикл опирается прежде всего на Экзистенциальный уровень (смыслы, ценности) и Социальный (практики признания), но

требует институционального закрепления (Системный). Динамика системы определяется отношениями между паттернами и рассогласованиями между уровнями.

Заключение

В статье предложена социетальная методология, концептуальным ядром которой выступает триадная модель анализа социальных систем. Научная новизна полученных результатов раскрывается в следующих положениях.

1. Снятие дихотомии «микро-макро». Вместо поиска связующего механизма между разнородными языками описания выделены три инвариантные к масштабу аналитические функции – структурирование (Системный уровень), взаимодействие (Социальный уровень) и осмысление (Экзистенциальный уровень). Показано, что проблема микро-макро связи коренится не в онтологической разнородности уровней, а в отсутствии языка для описания их структурного изоморфизма: одни и те же функциональные элементы (правила, практики, смыслы) принимают различную эмпирическую форму в зависимости от масштаба, оставаясь при этом аналитически инвариантными. Предлагаемая триада даёт такой язык, позволяя диагностировать любую социальную систему – от семьи до государства – в единой системе координат, не редуцируя один уровень к другому.

2. Категория рассогласования как источник динамики. Устойчивость или кризисное состояние системы определяются не простым наличием уровней, а качеством связей между ними. Рассогласование между институционализированными правилами (Системное), воспроизводимыми практиками (Социальное) и разделяемыми смыслами (Экзистенциальное) порождает внутреннее напряжение, которое разрешается либо через адаптивную перестройку системы, либо ведёт к стагнации, хроническому кризису и, в конечном счёте, к распаду. Такой подход смещает исследовательский фокус с описания статичных элементов на анализ их динамического взаимодействия.

3. Два альтернативных мотивационных паттерна с формулами. Разработана модель двух идеально-типических конфигураций социального обмена, каждая из которых представлена в виде строгой, мнемонической формулы:

РКВПП-цикл (инструментальный паттерн): «Расчётный вклад → Конвертируемое вознаграждение → Восстановление, Приумножение и Поддержание агента».

ЦУРПС-цикл (имманентный паттерн): «Ценность → Усилие → Результат → Конфирмативное признание → Смысл (усиление ценности)».

Данные формулы предоставляют операциональный язык для описания обмена ресурсами и смыслами, который не сводится ни к экономической логике рационального выбора, ни к психологическим концепциям внутренней мотивации, а задаёт объективные рамки воспроизводства социального действия. При этом модель не конкурирует с анализом субъективных переживаний агента или его способности к калькуляции выгод и издержек – напротив, она создаёт структурную основу для понимания того, как индивидуальная мотивация, психологические состояния и рациональный выбор связаны с конфигурацией цикла и качеством согласованности триады.

4. Операционализация ключевых категорий. В рамках предложенной модели уточнено содержание ряда фундаментальных понятий. Ценность трактуется не как внутреннее психологическое переживание, а как публично артикулируемый и разделяемый нарратив, доступный внешнему наблюдению. Признание дифференцировано на инструментальное (отделимое от контекста и конвертируемое в иные блага) и конфирмативное (неотделимое от ценностного контекста и подтверждающее соответствие действия разделяемым смыслам). Смысл описывается через вводимое понятие смыслогенеза – как результат успешного завершения имманентного цикла, в котором исходная ценность усиливается через конфирмативное признание. Различение формально закреплённых ценностей (Системный уровень) и реально разделяемых смыслов (Экзистенциальный уровень).

5. Структурный взгляд, не отрицающий индивидуальное. Единицами анализа в модели выступают не индивиды и их субъективные состояния, а устойчивые, объективированные циклы социального обмена, воспроизводящиеся на уровне правил, практик и смыслов. Индивидуальное действие при этом не отрицается, но рассматривается как производное от конфигурации уровней триады. Более того, способность одного и того же агента действовать имманентно в инструментально организованной системе или, напротив, инструментально в системе, ориентированной преимущественно на имманентные ценности, является не парадоксом, а эмпирическим индикатором рассогласования уровней. В «зазорах» между формальными правилами, реальными практиками и разделяемыми смыслами и рождается пространство для агентности – способности действовать иначе, чем предписано доминирующей логикой. Таким образом, индивидуальное не исчезает, а объясняется через структурные, практические и смысловые параметры системы, а агентность концептуализируется как функция от степени согласованности триады.

6. Метод триадного анализа. Разработан диагностический инструмент, включающий реконструкцию трёх уровней, выявление трёх типов рассогласований (правила–практики, практики–смыслы, смыслы–правила) и анализ блокировок мотивационных циклов. Метод нацелен не только на объяснение, но и на операциональную диагностику дисфункций и проектирование изменений.

7. Интеграция социальных наук. Предложенная методологическая рамка задаёт единую систему координат для междисциплинарного диалога. Экономика получает язык для описания связи ресурсных обменов и институтов с практиками и смыслами через аналитику обоих мотивационных циклов – инструментального (РКВПП) и имманентного (ЦУРПС); психология – возможность анализировать как признание, так и индивидуальную мотивацию в их связи со структурными условиями; философия – инструмент для операционализации понятий ценности и смысла через концепт смыслогенеза и аналитику обоих циклов; социология – аппарат для целостного анализа систем любого масштаба через триадную модель и метод рассогласований.

8. Введение новых теоретических понятий. В научный оборот вводятся и операционализируются понятия: смыслогенез – процесс порождения и усиления смысла через завершение имманентного мотивационного цикла; латентное состояние системы – режим, при котором уровни триады не производят наблюдаемых актов, но сохраняют структуру взаимных ожиданий, позволяющую реактивацию системы при появлении триггера; «вес» системы – степень ресурсной, структурной или смысловой зависимости от неё других систем, определяющая масштаб её влияния на них и последствий её трансформации или распада; рассогласование – разрыв связей между уровнями триады, выступающий основным источником социальной динамики (в отличие от согласованности как режима стабильного воспроизводства системы).

9. Социальная динамика как производная от качества связей. Мотивационные паттерны и триадная модель в совокупности показывают, что источник социальной динамики коренится не в самих элементах системы, а в качестве связей между ними. Напряжение, возникающее при рассогласовании правил, практик и смыслов, задаёт проблемное поле, требующее анализа согласованности всех трёх измерений системы.

10. Связь паттернов с уровнями триады. Инструментальный цикл преимущественно опирается на Системный уровень, имманентный – на Экзистенциальный; воспроизводство обоих требует согласованной работы всех трёх измерений. Эта связка

превращает триаду и паттерны в единую концептуальную рамку, где динамика уровней и динамика обменов взаимно обусловлены.

11. Самостоятельность уровней при их взаимосвязанности. Каждый из трёх уровней триады обладает собственной логикой, не сводимой к логике двух других. Системный уровень способен сохранять инерцию и воспроизводиться даже после изменения практик и угасания смыслов; Социальный уровень может порождать новые образцы взаимодействия, не выводимые напрямую из формальных правил или публичных смыслов; Экзистенциальный уровень способен генерировать новые смыслы, не являющиеся прямым продуктом существующих практик и правил. Модель, таким образом, фиксирует не только взаимосвязанность, но и относительную автономию каждого измерения социальной системы.

12. Аналитический, а не онтологический статус модели. Выделяемые уровни (Системный, Социальный, Экзистенциальный), а также паттерны, представляют собой не онтологические «слои» социальной реальности и её «истину», а строго аналитические инструменты её диагностики. Социальная реальность в своей эмпирической полноте устроена сложнее любой, даже самой продуманной аналитической схемы. В живой социальной ткани правила, практики и смыслы спаяны в единый континуум; их разделение – методологический приём, упрощение сложной реальности, позволяющее выявить доминирующие связи и точки рассогласования. Упрощение здесь – не недостаток, а эвристический принцип: именно отказ от воспроизведения всей эмпирической сложности мира и создаёт возможность его аналитического схватывания. Такой подход, наследующий веберовской традиции идеально-типического конструирования, защищает модель от реификации (то есть ошибочного приписывания аналитическим конструктам статуса реально существующих «вещей») и обеспечивает её применимость к системам любого масштаба без навязывания им жёсткой онтологической схемы.

Предлагаемая триадная модель может рассматриваться как вклад в развитие междисциплинарного синтеза, необходимость которого особенно активно обсуждается в российской научной традиции и связывается, в частности, с формированием третьей интегративной волны в развитии социологического знания [12; 18]. Эта повестка созвучна и современным зарубежным исследованиям, фиксирующим устаревание микро-макро-разделения [37] и потребность в новых интегративных подходах, способных соединить анализ системных дисфункций, практик и смыслов – то есть именно тех измерений, которые

в предлагаемой модели концептуализированы как Системный, Социальный и Экзистенциальный уровни (см.: [26; 34; 36]).

Развитие динамической составляющей модели – взаимодействие паттернов, типология кризисов, механизмы их диагностики и трансформации – составит предмет второй статьи. Эмпирическая апробация на конкретных кейсах будет представлена в третьей статье.

Литература

1. Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51. DOI: 10.31857/S013216250017229-4.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум; Academia-Центр, 1995. 323 с. ISBN 5-85691-036-2.
3. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко; общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетея, 2001. 562 с. ISBN 5-89329-351-7.
4. Bourdieu P. Les règles de l'art: Genèse et structure du champ littéraire. Paris: Éditions du Seuil, 1992. 480 p. ISBN 2-02-018159-2.
5. Bourdieu P. Sur l'État: Cours au Collège de France (1989–1992). Paris: Raisons d'agir/Seuil, 2012. 672 p. ISBN 978-2-02-066224-6.
6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. / Пер. с нем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016–2019. ISBN 978-5-7598-0333-1.
7. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. / Пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М.: Мысль, 1970–1972.
8. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический проект, 2005. 528 с. ISBN 5-8291-0629-9.
9. Гусева И.И. Эволюция стратегий микроанализа социального как фактор трансформации рациональности в социогуманитарных науках // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 4. С. 1653–1657.
10. Дюркгейм Э. Правила социологического метода / Пер. с фр. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021. 384 с. ISBN 978-5-17-137831-8.
11. Иванов Д.В. Мультипарадигмальная социология в ситуации постглобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 116–120. DOI: 10.21638/spbu12.2023.108.
12. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В., Гулькина К.П. Социология в XXI веке: между фрагментацией и интеграцией // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 3. С. 6–25. DOI: 10.19181/nko.2024.30.3.1.
13. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 643 с. ISBN 978-5-02-026871-5.

14. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 1–167.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. ISBN 5-88581-006-0.
16. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с. ISBN 5-93947-012-2.
17. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. / Пер. с нем. А.М. Руткевича. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 714 с. ISBN 5-94483-011-5.
18. Эфендиев А.Г., Кожанов А.А. Пути модернизации социологической идентичности: опыт теоретического поиска // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 2. С. 7–37. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.2.1.
19. Alexander J.C. (ed.). The Micro-Macro Link. Berkeley: University of California Press, 1987. 400 p.
20. Archer M.S. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 354 p.
21. Arundale R.B. The emergence of social order in everyday interacting: re-conceptualizing a venerable sociological concept in light of conversation analysis // Frontiers in Sociology. 2023. Vol. 8. Article 1102449. DOI: 10.3389/fsoc.2023.1102449.
22. Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969. 208 p.
23. Bourdieu P. Le sens pratique. Paris: Les Éditions de Minuit, 1980. 475 p. ISBN 2-7073-0298-8.
24. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.
25. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. 288 p.
26. Geise M., Lana B., Puri A., Maffi P., Apáez L.M., van Dormolen S., Maukner A.C., Falero Cusano M., Elessawi R., de Vries D.H. Integrating social sciences in community engagement in humanitarian action: benefits and challenges seen from the field // Journal of International Humanitarian Action. 2024. Vol. 9. Article 12. DOI: 10.1186/s41018-024-00155-8.
27. Heidegger M. Sein und Zeit. Halle a.d.S.: Max Niemeyer Verlag, 1927.

28. Mead G.H. Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ed. by C.W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 439 p.
29. Otreshko N. Micro-macro synthesis on the example of theories of social practices in sociology // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2025. № 1. С. 125–140.
30. Parsons T. The Social System. Glencoe, IL: The Free Press, 1951. 575 p.
31. Ritzer G. Metatheorizing in Sociology. Lexington, MA: Lexington Books, 1991. 362 p.
32. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 1. P. 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
33. Sartre J.-P. L'Être et le Néant: Essai d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943.
34. Sushyi O. Societal paradigm of social forecasting: Analytical Operationalization of the Psychological Framework of Social Forecasting // Problems of Political Psychology. 2025. Vol. 18. No. 32. P. 121–138. DOI: 10.33120/popp-Vol18-Year2025-223.
35. Weber M. Die «Objektivität» sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1904. Bd. 19. S. 22–87.
36. Wen X. End of 'prophecy' and China's search for autonomous sociology // Chinese Social Sciences Today. 2025. October 14. URL: http://english.cssn.cn/skw_research/sociology/202510/t20251014_5918765.shtml.
37. Ylikoski P. Getting lost with levels: the sociological micro-macro problem // Synthese. 2024. Vol. 204. Article 175. DOI: 10.1007/s11229-024-04841-3.